

Ош

Направах рукописи

ОГАНЕЗОВ Николай Рубенович

**ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА**

09.00.11 - социальная философия

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону

2003

Работа выполнена в Ростовском государственном строительном университете на кафедре философии

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор
Золотухин Валерий Ефимович.

Официальные оппоненты - Заслуженный деятель науки РФ,
доктор политических наук, профессор,
Понеделков Александр Васильевич

доктор философских наук, профессор
Коновалов Валерий Николаевич

Ведущая организация - Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ) .

Защита состоится..... 2003 г в _____ на заседании
диссертационного совета Д. 212.208.91. по философским и
социологическим наукам в Ростовском государственном университете
(344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160, ИППК при РГУ, ауд.34)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Ростовского государственного университета (344006, г.Ростов-на-Дону,
ул.Пушкинская, 148).

Автореферат разослан « »

2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Маринов М.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена сложным характером бурно развивающегося в современном мире демократического процесса, посткоммунистической трансформацией российского общества и необходимостью развития критико-рефлексивного подхода к осмыслению проблем демократизации России и других стран с недемократическим прошлым..

Идея демократии со времени своего возникновения и по сей день прямо или косвенно ассоциировалась с идеей рациональности. Истоки этой ассоциации - в эпохе Просвещения и восходящего развития раскрепощенного, сбросившего феодальные оковы, капиталистического общества. Культовое отношение к разуму, подчинившее себе не только общественно-политическое, философское, научное, художественное, но и повседневное мышление, реализовалось в генерировании величайших творческих проектов, проложивших дорогу современности.

Идея демократии, развиваемая теоретиками Просвещения, сложилась в атмосфере размышлений о рациональном устройстве мира. Она включала представления о том, как должна быть разумно разделена и организована власть, с помощью каких посредников произойдет объединение частных интересов в общей воле, каким образом возможно уравнивать граждан в политическом волеизъявлении.

В свою очередь, классический либерализм XIX века закрепил положения о свободе индивида, его автономии и самоутверждении, обеспечиваемыми частной собственностью, политическими и правовыми установлениями. При этом в обосновании данных принципов и форм жизнедеятельности артикулировалась уверенность в их рациональности (понимаемой, правда, несколько иначе, нежели радикальными демократами эпохи Просвещения).

В дальнейшем, постепенно интегрируя концепцию демократии, либерализм осознал себя как идею и движение, обеспечивающие индивиду выход за пределы наличного опыта путем рационального осмысления демократических ценностей и целенаправленного конструирования процедуры их реализации. Утверждалось понимание индивида как рационально действующего субъекта. Демократические теория и практика стали рассматриваться как актуализация возможностей этой рациональности.

Однако развитие демократического процесса в западном мире, включение в него народов, живущих в других регионах земного шара, показывает, что вопрос о взаимосвязи рациональности и демократии еще далеко не решен ни теоретически, ни практически. Об этом свидетельствуют серьезные противоречия, возникающие в современном обществе в целом и в его политической сфере, в частности, вследствие абсолютизации индивидуальных форм рациональности в ущерб её общественным измерениям.

В ряду факторов, побуждающих к осмыслению данной темы, находятся и явления возрождения псевдо- или недемократических режимов, по существу

враждебных рациональности. В настоящее время всё более важной становится также проблема рациональности демократических транзитов.

Актуальность темы диссертационного исследования усиливается необходимостью осмысления разрыва связи демократии с рациональностью, имевшего место в нашей стране в XX веке.

Сначала в течение 70 лет тоталитарному режиму удавалось выдавать себя и за форму рациональности, и за демократию, пока, наконец, не была обнаружена подмена сущности видимостью. В следующий период развития, длящийся вот уж более 15 лет, попытки воссоздания «подлинно» демократического общества средствами некритической рациональности, сосредоточенной на копировании западных образцов демократии, привели к разрушению не только доверия к демократам, но и веры в саму демократическую идею, её разумность, теоретическую выверенность и прагматичность.

Шокирующе поспешный, нравственно и экономически разрушительный перевод всех основ жизнедеятельности на новый путь развития, когда за первые несколько лет перестройки на страну обрушились разделение властей, многопартийность, политический плюрализм, крупномасштабная приватизация, инфляция, откровенно хищнический характер предпринимательской активности и т.п. привели к тому, что не выдержали испытание на прочность не только новая власть тех, кто, собственно «запустил» процесс, но и уверенность в рациональности его теоретического демократического прообраза.

Поэтому и сохраняет свои (хотя и сильно пошатнувшиеся) позиции тоталитарная идеология. Возрождаются её интенции и мотивации в виде симпатий к авторитарной власти, призывов к появлению «сильной руки», которая наведет бы «порядок в стране», прорываются в оценке деспотичной власти как «рациональной», в противопоставлении жестких и негуманных порядков «произволу» и «разгулу» демократии.

По-видимому, сегодня важнейшей задачей демократии в России является преодоление «детской болезни» простого и некритического заимствования чужого опыта и идей, для чего необходимо доказательно и последовательно разобраться во всем блоке проблем рациональности демократического процесса.

Степень научной разработанности проблемы. Главной особенностью исследования явилось то, что оно в очень незначительной степени могло опереться на какой-либо накопленный российской философской мыслью опыт специального теоретического анализа избранной темы. При этом то обстоятельство, что область научного внимания сформировалась из пересечения многих понятий - рациональности, исторических типов рациональности, демократии, свободы, - обусловило необходимость изучения работ, относящихся к разным сферам философского знания. В силу этого возникла потребность обращения и к различным видам философского

дискурса: политологическому, социально-философскому, эпистемологическому, антропологическому, культурологическому.

Истоки постановки проблемы уходят в XVIII-XIX века, в социально-политические учения Дж.Локка, Ш.Монтескье, Ж.-Ж.Руссо, И.Канта, И.Бентама, Дж.Ст.Милля, А.де Токвиля, - чьи идеи впоследствии легли в основу современного либерально-демократического концепта. В этот период формируется парадигма отношения к демократии как очевидно рациональному явлению.

Такая парадигма развивается либерализмом не только на стадии предпосылок, но и в его зрелых теоретических формах. Её концептуализация осуществляется теорией рационального выбора, возникшей во второй половине XX века. Представители данного направления Дауне А., Илстер Дж., Колеман Дж., Ордешик П., Элстер Дж., Эрроу К. и др., опираясь на идеи неоклассической экономической теории, связывают формирование демократического уклада общественной жизни (как и рыночного) со свободным выбором, осуществляемым рациональными индивидами, преследующими свои egoистические цели.

В развитии представлений о рациональности демократического процесса большую роль сыграли западные политологи и социальные философы Бьюкенен Дж. и Таллок Г., разработавшие теорию общественно значимого выбора, а также Хабермас Ю. - создатель теории коммуникативного действия, в рамках которой им формируется модель «коммуникативной рациональности».

К настоящему времени по данной тематике появились аналитические публикации зарубежных и отечественных авторов: Алексеевой Т., Капустина Б., Кокорева В., Оффе К., Фармер М., Шарфа Ф., Швери Р.. Заметный вклад в исследование проблемы рациональности в политике и управлении внёс Хунагов Р.Д..

Крупными исследователями глубинного содержания демократии и её воплощения в различных странах являются Арон Р., Даль Р., Карл Т., О'Доннелл Г., Пшеворский А., Шапиро И., Шмиттер Ф., Шумпетер Й., Эйзенштадт Ш.. Среди отечественных авторов на этой проблеме сосредотачивают своё внимание Алексеева Т.А., Гаджиев К.С., Пантин И.К., Сергеев В.М..

Одной из самых значимых для современного социально-философского дискурса является тема рациональности. Классиком её осмысления является М.Вебер, выявивший основную тенденцию развития исторического процесса и определивший её как «рационализацию жизненного поведения». В последние два десятилетия XX века в российской литературе был создан обширный пласт работ, посвященных проблеме выявления содержательных характеристик понятия рациональности, анализу данного феномена с позиций когнитивного и деятельностного подходов, её осмыслению как мировоззренческой проблемы, в рамках социокультурного контекста, определению уровней, видов и типов рациональности.

Среди авторов этих работ можно выделить Автономову Н.С., Гайденко П.П., Гудкова Л.Д., Давыдова Ю.Н., Касавина И.Т., Коршунова Л.С., Мудрагея Н.С., Пружинина Б.И., Ракитова А.И., Сокулер З.А., Степина В.С., Чудинова Э.М., Швырева В.С., Юдина Б.Г. и др..

Большое внимание российские исследователи уделяют проблеме рационализации. Целенаправленное и полноценное её осмысление как фактора социальных изменений было осуществлено В.С.Любченко.

На переднем крае исследований находится тема смены цивилизационных типов развития. Большой вклад в её осмысления внесли Козловский В.В., Морохоева З.П., Петров М.К., Степин В.С., Толстых В.И., Уткин А.И., Федотова В.Г. и др. Особое внимание направлено на выделение специфических черт и особенностей традиционного и современного типов цивилизаций, исследование возможностей, перспектив и пределов модернизации. Сформирована гипотеза о становлении нового миропорядка в процессе восхождения человечества на уровень постсовременной культуры.

В качестве важнейшего аспекта темы модернизации рассматривается проблема демократической трансформации или транзита, перехода стран от додемократического прошлого к демократии. Интересные идеи в этом направлении исследований высказываются западными теоретиками Даймондом Л., Круассаном А., Линцем Х., Маркоффом Дж., Меркелем В., Растоу Д., Степаном А., Хантингтоном С.

Российская транзитология имеет ещё небольшой опыт развития (его начало положено в середине 90-х гг. прошлого века). Но в его формировании уже достаточно значимый вклад внесли работы Ильина М.В., Лебедевой М.М., Мельвиля А.Ю., Никитченко А.Н., Пронина С.В., Согрина В.В., Федорова Ю.Е..

Блестящая критика попыток (осуществляемых подчас теоретиками и практиками демократизации в России), осуществить трансплантацию западных моделей демократии на иную национальную, в частности, российскую почву, содержится в работах Капустина Б.Г.. Среди всего многообразия воззрений, связанных с осмыслением особенностей российской политической культуры следует выделить работы Бирюкова Н., Красина Ю.А., Лукина А.В., Сергеева В., Тульчинского Г.Л., Шевцовой Л., Янова А., Яркова Е.Н..

Объектом исследования является демократический процесс, его способность выступать в качестве формы реализации рациональности.

Предметная область исследования находится на пересечении понятий рациональности и демократии, в связи с чем рассматриваются различные уровни и исторические типы рациональности, особенности их актуализации в демократическом процессе, парадоксы демократии и перспективы её развития.

Целью представленной работы является осмысление демократического процесса как политической формы реализации рациональности определённого исторического типа и обоснование необходимости восхождения на уровень критической рациональности при осуществлении демократической трансформации российского общества.

Для достижения этой цели поставлены задачи:

- выявления различных подходов к определению понятия рациональности и описанию её уровней;
- определения того, как проявляет себя рациональность при осуществлении демократического процесса;
- исследования демократии как атрибута определённого исторического типа рациональности;
- осмысления парадоксов демократии как выражения парадоксальности самой рациональности;
- анализа проблемы рациональности демократического транзита;
- изучения возможностей и пределов парадигмальной и критической рациональностей в процессе постсоветской демократической трансформации.

Теоретико-методологические основы исследования. В связи с тем, что предметом исследования является область пересечения различных феноменов, а не некое явление, взятое само по себе, достижение цели и решение намеченных задач вызвало необходимость обращения к разнообразным сферам научного интереса, концепциям и подходам. Речь идет об исследованиях проблем рациональности (практически во всех её аспектах и ответвлениях), трансформации либеральной идеи, типов цивилизационного развития, соотношения личности и общества в разных культурах, определения сущностных черт демократии и её функционирования в странах развитого Запада, развивающегося Юга и Востока, демократических переходов, «посткоммунистической демократии» в России.

Существенное влияние на данное диссертационное исследование оказали идеи Манхейма К. и Швырева В.С. относительно рассмотрения рациональности как сложного, многоуровневого явления, Любченко В.С.¹ о рационализации как процессе упорядочения практики, а также идеи Золотухина В.Е.², создающие методологически значимую модель сопряжённого анализа понятия рациональности наряду и в сопоставлении с важнейшими понятиями социальной философии.

Для конкретных целей анализа использовались базовые понятия, теоретические конструкции и выводы, содержащиеся в трудах ведущих отечественных и зарубежных ученых, прежде всего Капустина Б.Г., Мельвиля А.Ю., Оффе К., Пройсса У., Сергеева В.М., Степина В.С., Толстых В.И., Федотовой В.Г., Хантингтона С, Хунагова Р.Д..

Научная новизна полученных в диссертационном исследовании результатов состоит в следующем:

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.. 1994; Любченко В.С.. Рационализация как фактор социальных изменений. Автореферат дис... докт. филос. наук. Ростов-на-Дону. 1999; Швырев В.С.. Рациональность в современной культуре.// Общественные науки и современность. 1997. №1 и др.

² Золотухин В.Е. Труд и рациональность.// Рациональное и иррациональное: грани проблемы. Ростов-на-Дону. Изд-во Рост. ун-та. 2002. С.277-285.

- определён эвристический потенциал существующих подходов в осмыслении понятия рациональности в контексте анализа проблемы взаимосвязи рациональности и демократии;
- демократический процесс рассмотрен как форма реализации рациональности;
- предложен интегративный вариант компаративного анализа двух основных исторических типов рациональности и обоснования связи феномена демократии со становлением рациональности современного исторического типа;
- парадоксы демократии осмыслены как отголосок и форма парадоксальности самой рациональности;
- проблемы демократизации в России рассмотрены сквозь призму столкновения двух рациональностей одного уровня (парадигмального), но принадлежащих к разным историческим типам (традиционному и современному);
- выдвинуто и обосновано предположение о возможности возникновения российской модели демократического процесса.

Тезисы, выносимые на защиту:

1. Функциональная (или парадигмальная) рациональность, представляющая собой отрефлексированную целесообразность, должна быть органически связана с критической рациональностью целеполагания. Только в этом случае возможно сопряжение рациональности со свободой и демократией.

2. Специфика демократической «рационализации жизненного мира» заключается в моделировании мирных форм социального конфликта и разрешении его средствами, также исключающими насилие. Значимыми аспектами этого процесса являются: 1) рационализация интересов (индивидуальных, коллективных, всеобщих), 2) рационализация политического кризиса, 3) рационализация действий по выработке консенсуса. Важнейшие условия рационализации: опора на принципы компромиссности, «согласия быть несогласными», осмысления выборов как формы рационализации политического кризиса. Особо значимую роль в рационализации политического конфликта играет решение проблемы возможности и необходимости выработки всеобщей политической воли.

3. В качестве критериев противопоставления традиционного и современного типов рациональности можно рассматривать различия 1) в особенности отношений между рациональностью общества и рациональностью индивида; 2) в понимании способов образования того целого (общества, мироздания и пр.), в рамках которого существует индивид; 3) в решении проблемы новаций, отражаемой в преобладании открытой или закрытой, критической или парадигмальной рациональности. Хотя уже в рамках традиционного общества могут возникнуть властные отношения на основе принципов демократизма, но все же их появление обуславливается разложением традиции. В противном случае традиционная рациональность преодолевает саму демократию. Поэтому демократический процесс является

политической проекцией рациональности именно современного типа.

4. Основные парадоксы демократии заключаются в том, что её возникновение связано с социальной потребностью интеграции индивидов в общество посредством артикуляции и реализации всеобщего интереса, но выступает она как процесс согласования множества частных интересов. С точки зрения теории, субъектом этого процесса должен быть «разумный» индивид, а на практике им становится индивид эмпирический. Будучи проявлением рациональности, демократия включает в себя и иррациональные моменты; являясь властью народа и используя собственные (демократические) средства и процедуры функционирования, она может перерасти в тиранию.

5. В России функциональная рациональность либерально-рыночного толка, господствующая в среде акторов демократического процесса, столкнулась с парадигмальной рациональностью традиционного исторического типа, присущей значительной части населения. Однако рациональность на этом уровне представляет собой такой вид отношения к действительности, который предполагает развитие только в рамках заданной парадигмы. Так образовались два никак не пересекающихся вида рациональности, задаваемых разными логиками мышления и отторгающих друг друга. Эта антиномия может быть разрешена только на основе критической рациональности.

6. Европейская и американская общественная мысль выражают уверенность в универсальности западной либеральной модели демократии. Однако представители политической науки и практики стран, осуществляющих демократизацию, всё чаще приходят к тому, что пришла пора отказаться от односторонней ориентации на какую-либо одну, хотя бы даже вполне действующую и ставшую привычной, парадигму демократического устройства общества. По-видимому, следует признать, что западная модель демократии является исторически первой, но не единственной. Возможно создание новых, в том числе российской, моделей демократии, основанных не на противостоянии, а на синтезе традиционного и современного исторических типов рациональности.

Научная и практическая значимость работы определяется тем, что она способствует более глубокому пониманию специфики рациональности и демократии, определению их сущностных черт и феноменологических особенностей. На этой основе появляется возможность уяснения того, насколько рациональны демократические транзиты, являются ли они формой адекватного решения тех проблемных ситуаций, которые сложились в России и других странах, начавших движение по пути демократизации.

Идеи и выводы исследования могут послужить теоретической основой для дальнейшего системного анализа важнейших проблем развития демократии и выработки конкретных рекомендаций, в том числе, в области принятия и реализации политических решений.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования докладывались в 2003 г на двух Всероссийских научных конференциях. Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании

кафедры философии Ростовского государственного строительного университета. Её основные положения и выводы отражены в трех научных публикациях общим объемом 2, 4 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка используемой литературы, включающего 150 наименований, в том числе 33 на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во «Введении» обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, его объект и предмет, степень разработки данной темы в отечественной и зарубежной литературе, методологические и теоретические основы исследования, показывается новизна работы, излагаются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы и основные направления апробации её содержания.

Первая глава - «Демократия как политическая форма рациональности» - включает два параграфа. Она посвящена определению характера взаимосвязи рациональности и демократии, выявлению особенностей рациональности, реализуемой в демократическом процессе.

В первом параграфе - «Соотношение рациональности, свободы и демократии» - обосновывается взаимосвязь данных феноменов. Примечательно, что в общественном сознании, не только на обыденном, но и на теоретическом уровнях, нет однозначной трактовки данной проблемы. Но такая амбивалентность приводит к осмыслению областей свободы и демократии вне пространства рациональности.

По-видимому, философское и социально-политическое мышление приходит к подобному парадоксу вследствие весьма распространенного понимания рациональности в связи с целесообразностью, пользой, эффективностью, - тем, что способствует оптимизации деятельности, приводит к определенному единству в действиях людей, обеспечивает накопление, описание, понимание явлений действительности (Ильин В.В., Кизима В.В., Неганов Ф.М., Ракитов А.И., Сагатовский В.Н., Трубицын А.П. и др.). Нельзя при этом не отметить роли Вебера М. в формировании концептуальной формулы «рациональность = целесообразность».

Другим подходом рациональность понимается как тип «вписывания» человека в мир, которое осуществляется с помощью специальных актов мышления, направленного на установление соразмерности позиции индивида той реальной ситуации, в которой он находится. Она связывается прежде всего с целеполаганием (Гайденок П.П., Манхейм К., Швырев В.С., Хабермас Ю. и др.). При этом выделяется два уровня рациональности: первый, - на котором осуществляется выработка целей, и второй, связанный с организацией действий таким образом, чтобы достигнуть заданных целей.

Представляется, что данная типология, обосновываемая Швыревым В.С. и Манхеймом К., содержит большой эвристический потенциал исследования

проблемы, в частности - возможность соединить разорванные прежде рациональность и свободу, рациональность и демократию.

Парадигмальная (функциональная) рациональность, основанная на стремлении к целесообразности, может быть охарактеризована с помощью известного термина Куна Т. и его теории «нормальной» науки. В применении не только к способам мышления, но к поведению индивидов и к функционированию социальных систем, она проявляет себя в ориентации на определенную заранее ценностно-целевую систему координат, переведенную на уровень правил, норм и эталонов, которые рассматриваются как исходные, общезначимые, самодостаточные и не подлежащие критике.

Рациональность целеполагания является «критической» или субстанциональной. Но это название содержит не столько коннотацию с учением прославленного философа, сколько указание на её сущностную особенность. Эта рациональность разумна, а потому стимулирует поиск истины. Она реализуется в стремлении не только к полаганию целей, но и к осознанию результата действий, встраиванию их в контекст общественной жизнедеятельности, определению последствий личного и коллективного выбора. Критическая установка является неотъемлемой характеристикой данного вида рациональности. Эта установка дает разуму творческий импульс, не позволяет ему останавливаться в своем развитии или деградировать в парадигмальную рациональность.

Но вместе с этим такая позиция напрямую и непосредственно связывает субстанциональную рациональность со свободой, которая невозможна без критики и реализуется через способность к диалогу и творческой рефлексии.

Абсолютизация функциональной рациональности как раз и может привести к необходимости выбора свободы или рациональности. Но только всё дело в том, что выбор не в пользу свободы ведет к вырождению также и самой рациональности, к утрате ею своего содержания при сохранении формы, к возникновению такого её состояния, которое можно было бы назвать «псевдорациональностью».

В диссертации обосновывается связь данной модификации рациональности с тоталитаризмом. В советской системе псевдорациональность стала тем «камуфляжем», которым данный режим прикрывал свою деспотическую, антигуманную и, в принципе, иррациональную сущность.

Иррациональными являлись нерассуждающая вера миллионов людей в верховную власть, изоляция общества от общечеловеческой сферы развития. Враждебным рациональности был культ личности и волюнтаризм в политике, снижающие возможности общественного и индивидуального сознания адекватно осмысливать социальную реальность.

Здесь же можно упомянуть и диктат идеологии, снизивший до нулевой отметки способность людей к формированию критического отношения к действительности, и дефицит объективной информации, приводящий к возникновению различного рода мифологем.

В этом параграфе делается вывод о том, что одной из форм бытия псевдорациональности (в условиях тоталитаризма, других деспотических или авторитарных режимов - эти различные явления сходны в их антидемократизме, вследствие чего рассматриваются в нашем тексте как подобные) является псевдодемократия. Она выступает одновременно и отрицанием свободы. Напротив, свободу и её политическую демократическую форму нельзя рассматривать как вне-, псевдо- или иррациональные явления. Возможность такого понимания актуализируется при сведении рациональности к целесообразности. В этом случае неизбежно восприятие свободы и демократии как произвола и хаоса. Только взаимопереход в теории и на практике с одного уровня рациональности на другой может стать обеспечением свободы и её демократической политической формы существования.

Во втором параграфе - «Демократия как рационализация политического конфликта» - аргументируется точка зрения, что для общества необходимо не игнорирование или подавление конфликтности, не выведение политических столкновений за рамки демократического процесса, а рационализация его, и через это - придание ему мирного характера, превращение соперничества в конструктивный фактор решения социальных проблем. Исследуются основные моменты, условия и проблемы рационализации, осуществляемой в ходе демократического процесса.

Среди всего многообразия дефиниций феномена демократии наиболее близким автору и соответствующим теме диссертации является его определение, даваемое Сергеевым В.М., как институализированного переговорного процесса по поводу принятия политических решений между институализированными же группами интересов¹.

Дальнейшее развитие этого определения позволяет автору диссертации интерпретировать демократический процесс как рациональное моделирование мирных форм политического конфликта и его разрешения средствами, также исключаящими насилие. Под рациональным моделированием понимается выработка установок, объяснений и обоснований политического выбора и процедур принятия решений. Оно требует от участников демократического процесса особой настроенности на конструктивную критику, сопряженную со стремлением к диалогу, пониманию и согласию.

Содержанием процесса рационализации в демократической сфере является проникновение субъектом политического действия, благодаря силе и специфической интенциональности его мысли, в основание мира индивидуальных и коллективных интересов и ценностей, в истоки социально-политических столкновений, выражение знания, являющегося продуктом данного проникновения, в вербальной и других социально приемлемых формах

¹ См.: Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.. 1999.

артикуляции. Так создаётся возможность осуществления политической деятельности на основе знания².

При этом должны быть актуализированы возможности как критической, так и парадигмальной рациональности. На уровень субстанциональной рациональности акторы политического действия выходят в процессе творческого осмысления разгорающегося конфликта и поиска эффективных решений. Вместе с тем, принятие решения об основных правилах политического поведения (заключение пакта) может рассматриваться как момент перехода на уровень парадигмальной или функциональной рациональности. Последняя проявляет себя во всех процедурах легитимации пакта: присоединения к нему новых групп, осмысления его широкими кругами обществности.

Однако период выборов представляет собой фазу максимального использования рациональных резервов общества и требует нового перехода на уровень критической рациональности. Задачи рационализации демократического процесса в данный момент сосредотачиваются в области поиска разумных оснований тех проектов, которые предлагают субъекты политического процесса. Вместе с тем важной проблемой организации выборов является ограничение соперничества политических сил рамками партийных систем, что позволяет не только сталкивать политические подходы, но и подчёркивать их взаимную дополнительность. Здесь субстанциональная рациональность вновь переходит в функциональную.

Наиболее значимыми аспектами рационализации политического процесса являются: 1) рационализация интересов (индивидуальных, коллективных, всеобщих); 2) рационализация политического кризиса; 3) рационализация действий по выработке консенсуса.

В первом случае результирующей процесса является согласие политических сил институционализировать свои основные интересы в рамках новой политической системы.

Второй аспект проявляет себя в ходе открытого соревновательного процесса (выборов), который, из-за соперничества политически организованных интересов, протекает далеко не просто. Современная политическая наука трактует выборы как конституционный порядок искусственной симуляции кризиса, в ходе которой появляется возможность провести оценку конкурирующих альтернатив по строгим и признанным всеми правилам¹. Представляется, что понятие таким образом выборы могут рассматриваться как форма рационализации (прежде всего упорядочивания в соответствии с определенной моделью) политического кризиса.

² См.: Любченко В.С.. Рационализация как фактор социальных изменений. Автореферат дис... докт. филос.наук. Ростов-на-Дону. 1999.

¹ См.: Ильин М.В., Мельвиль А.Ю., Федоров Ю.Е.. Демократия и демократизация (Раздел учебного пособия)//. Политические исследования. 1996. № 5.

Третий аспект рационализации политического конфликта проявляет себя в поиске оснований для консенсуса.

Важнейшей особенностью рационализации демократического процесса является признание принципов компромиссности ради консенсуса, «согласия быть несогласными», осмысления выборов как формы рационализации политического кризиса. В каждом из них по-своему фиксируется осознание необходимости избегать бессмысленного взаимоуничтожения, которое может спровоцировать насилие. Вместе с тем проводится разграничительная линия между согласием, подразумевающим возможность критики, основанной на выработке собственного мнения, и единомыслием, не допускающим таковой.

С какими проблемами сталкивается рационализация демократического процесса? Что вызывает наибольшие трудности и на чём сосредотачивается общественно-политический дискурс? Это, конечно, проблема соотношения интересов большинства и меньшинства.

Однако смысловым ядром рационализации демократического процесса является проблема возможности и необходимости выработки всеобщей политической воли. Более современная интерпретация этой проблемы осуществляется через постановку вопросов: можно ли рассматривать демократический процесс как стихийно складывающийся результат всей суммы усилий рационально действующих индивидов или необходима регулируемая синхронизация действий по поиску объединяющих всех членов общества оснований политических решений? Возможен ли в принципе сознательный выбор общественно значимых альтернатив?

В диссертации осуществляется анализ различных подходов к этой проблеме, представленных, с одной стороны, радикальным демократизмом, с другой, - классическим либерализмом и, особенно, его специфической интерпретацией в неоклассической теории. Рассматривается делиберативный подход, совпадающий в определённых моментах с коммуналистскими теориями.

Во второй главе — «Исторические формы рациональности и демократия» - состоящей из двух параграфов, обосновывается утверждение, что демократический процесс возникает как ответ на вызов современности. Отмечается, что рациональность современного исторического типа парадоксальна. Эта особенность находит отражение в парадоксах демократии.

В первом параграфе - «Демократический вызов современности» - демократия рассматривается как проявление рациональности современного исторического типа.

Обосновывается, что не только современное, но и традиционное общество конституируют такой тип отношения к миру, в котором присутствуют все признаки рациональности. В частности, традиция не исключает рефлексии. В этом контексте рефлексия представляет собой осознание индивидом историчности своего опыта, того, что он есть достояние, выработанного прошлыми поколениями. Наиболее выразительной формой рефлексии в рамках христианской культуры является исповедь. Она выступает

как систематический контроль над влечениями, а потому, по терминологии Манхейма К., является способом саморационализации индивида.

В рамках традиции сложилось как целеполагающее, так и целесообразное отношение к миру, то есть рациональность как субстанционального, так и функционального уровней. При этом надо учитывать, что, хотя, с точки зрения истории общества, рациональность возникает в процессе целеполагания, на индивидуальном уровне её становление может осуществляться в ходе целесообразной деятельности. В традиционном обществе преобладает именно последняя. Ведь воспроизводя традицию, индивид выступает как субъект репродуктивного творчества, осуществляет поведение, кажущееся ему целесообразным, но не участвует в целеполагании.

В диссертации осуществляется сопоставительный анализ двух исторических типов рациональности - традиционного и современного, выявляются критерии, позволяющие различать эти социокультурные явления. При этом указывается, что в социально-философской литературе нет единственного и общезначимого решения данной проблемы. Поэтому автор диссертации делает попытку интеграции нескольких подходов, в частности, Любченко В.С., Морохоевой З.П., Степина В.С., Федотовой В.Г..

В качестве первого критерия рассматриваются отношения между рациональностью общества и рациональностью индивида. Важнейшее отличие рациональности традиционного и современного типов заключается в том, что первая предполагает, а вторая отрицает поглощенность индивидуальной рациональности со стороны общественной¹.

Вторым критерием является принципиальное отличие в понимании способов образования того целого (общества, мироздания и пр.), в рамках которого существует индивид. Здесь, пожалуй, можно говорить о различной трактовке принципа интеграции элементов в систему. Традиционная рациональность построена на представлениях о мире как потоке связей, в котором всё живёт в другом и проявляется через другое. Все части мира являются одинаково культурно значимыми и способными воспроизводить в себе весь мир в целом.

В современном западном мышлении господствует принцип дискретности: целое рассматривается как совокупность самостоятельных частей, последние могут существовать независимо друг от друга и вне единства². Современный человек осознаёт себя как автономную, суверенную и самооценную личность. Он сам определяет цели своей деятельности и не считает себя обязанным улавливать мировую гармонию, искать в своей частной жизни проявления некоей единой сущности, Абсолюта.

¹ См.: Федотова В.Г. Социальная рациональность и демократическое общество.// Рациональность на перепутье. Кн.1. М. 1999. С.247.

² См.: Морохоева З.П. Личность в культурах Востока и Запада. Новосибирск. Наука. 1994.-206 с.

В качестве третьего критерия, выступают различия в отношении к новациям, фиксируемые в преобладании открытой или закрытой, критической или парадигмальной рациональности в той или иной цивилизационной системе.

Подчеркивается, что для новации нужно, чтобы преобладала критическая рациональность. Именно она содержит установку на сокрушение устоев, всего удобно-привычного, кажущегося очевидным, не требующим пересмотра. Настрой на критику и опровержение создает интеллектуальную и психологическую готовность к конструктивному творчеству. Но вместе с тем, формируется и способность к рационализации конфликта, умение видеть в нём нормальное явление, обнаруживать его продуктивные и новационные возможности.

Таким образом, критическая рациональность подготавливает и выражает себя в требовании демократического устройства общества. Вместе с тем, она является продуктом и фактором формирования типа личности, способной реализовать демократическую идею.

Конфликтность является состоянием, имманентным современному обществу. А, следовательно, внутренней необходимостью развития общественной системы данного типа является реализация задачи разрешения постоянно возникающих конфликтов. Демократия развивается как политическая форма решения данной задачи.

В диссертации подчеркивается, что, хотя властные отношения на основе принципов демократизма могут появиться в рамках традиционного общества, но это возникновение обусловливается все же разложением самой традиции, развитием социума от традиции к свободе и новации (см. работы Степина В.С., Любченко В.С.). Иначе, традиционная рациональность преодолевает саму демократию.

Из сказанного делается вывод, что демократические нормы и принципы общественного устройства не могут быть включены в содержание рациональности как таковой, они являются признаком только её современного типа.

Во втором параграфе - «Парадоксы демократии» - демократия рассматривается со стороны своей амбивалентности, парадоксальности, истоки которой уходят в соответствующий ей тип рациональности.

Глубинная основа парадоксов - особенности рациональности современного типа, обладающей скорее индивидуальными, чем коллективными характеристиками, сориентированной на представления об индивиде как автономном и преследующем свои собственные интересы субъекте действия. С этими особенностями связано возникновение тенденции к атомизации общества.

Из них же вытекает и парадоксальность демократии: она возникает в связи с социальной потребностью интегрировать индивидов в общество посредством артикуляции и реализации всеобщего интереса, а выступает как форма согласования множества частных интересов. К тому же, с точки зрения теории, субъектом демократического процесса должен быть «разумный»

индивид, а на практике им становится индивид эмпирический.

Но что такое всеобщий интерес, можно ли его определить, существует ли он объективно или формулируется акторами политического процесса? Как было сказано в 1 главе, ответы на эти вопросы имеют смыслопорождающее значение для рационализации демократического процесса.

Существует два основных антиномичных политических концепта, которые исходят из разных антропологий и противоположного понимания соотношения общественного и индивидуального измерений рациональности..

Прежде всего это демократический проект эпохи Просвещения, в котором зафиксирована попытка решить проблему оптимизации общественно-политических связей на базе и в пределах, задаваемых традиционным типом рационального отношения к миру. Идея демократии выступает в нём, по сути, как воплощение надежд на восстановление утрачиваемого обществом коллективного понимания рациональности.

С другой стороны, возник либеральный проект, отразивший и зафиксировавший в теории объективный процесс разложения общественной рациональности.

Его составной частью стало понимание общества как результата совокупной, но несогласованной деятельности индивидов. Подчеркивалось значение конкуренции, которая рассматривалась как важнейшая форма их взаимодействия. Считалось, что в результате подобных взаимодействий, которые демократия обеспечивает мирными политическими средствами борьбы, должен возникнуть спонтанный социальный порядок.

На базе согласования, критики или опровержения идей, постулируемых в рамках данных базовых утверждений сложилось множество версий и конкретных практик демократического процесса. Для многих из них характерна направленность на воссоздание общественных измерений рациональности.

Идея рациональности общества имманентно присутствует в марксистской теории классовой борьбы. Утверждается, что в общественной системе возникает и конфликтует два антагонистических классовых типа рациональности. В результате революционного преобразования общественных отношений потенциально общий интерес должен стать реально всеобщим. Обосновывается возможность преодоления классовых конфликтов, тенденции к атомизации общества, рациональности в её исключительно индивидуальном (эгоистическом) измерении.

Однако реальностью, созданной на основе этих идей, стал парадокс перерастания народовластия в тиранию «демократического» типа в форме диктата большинства. Провозглашенное политическое равенство, признание возможности участия всего народа и любого его представителя в управлении государством, обернулось мощнейшим отчуждением индивида от власти.

Иная, (американская) модель демократического процесса была противопоставлена как французскому революционному, так и советскому его варианту. Эта модель не обращается к рациональности как «коллективному» понятию. Легитимность демократии обосновывается строгим соблюдением

правил конституционной игры и не требует определения каких-либо «всеобщих» целей.

Парадоксально, но и она не смогла отказаться хотя бы от неявного, непроартикулированного, но признания структур сознания, находящихся за пределами индивидуальной рациональности и обосновывающих его. Признание прирождённого характера прав личности обусловило апелляцию к метарациональности, к тем всеобщим представлениям и фундаментальным ценностям, которые относятся к intersubъективной реальности и, по сути, служат основой разнообразных индивидуальных предпочтений.

Однако выработка процедур и четких правил политической игры сама по себе не в состоянии освободить демократию от парадоксальности её перерастания в явление, в определённом смысле сходное тому, которое возникает в рамках тоталитарной демократии. Создается парадокс тирании, - но не большинства, а меньшинства (Качоха В., Либерзон С, Фридман М., Хунагов В.Д.). Появляется возможность и возникновения состояния, описываемого как «информационная диктатура». Это может привести к парадоксальной для народовластия ситуации отчуждения индивида от власти.

С данного рода отчуждением связан ещё один парадокс демократии: перерождаясь в политтехнологию, она перестает быть формой рациональной критики. В современном обществе становится возможным принятие любых, в том числе беспринципных решений, если к ним склоняется большая часть электората (отсюда двойные и тройные стандарты в политике).

Кризис рациональности, развившийся к середине XX века (Шупер В.А., Манхейм К.), нашел продолжение в демократическом процессе таким образом, что демократия начала выступать как не столь уж рациональное явление. Парадоксальным образом, наряду с рациональным началом в ней обнаружилась иррациональность и нерациональность.

В рамках либеральных теорий продолжают создаваться различные модели «снятия» парадоксов и кризисов демократического процесса. Однако возникает необходимость проработки иных, нежели в западных «образцах», вариантов подобных решений.

В третьей главе — «Рациональность демократического транзита» - состоящей из двух параграфов, доказываемая, что рациональность демократических переходов с необходимостью должна выражать себя не только в парадигмальной, но прежде всего в критической форме.

В первом параграфе — «Проблема демократизации в рамках парадигмальной рациональности» - в контексте осмысления опыта посткоммунистической демократической трансформации в России показано, что весьма часто основой политического действия становится не критическая, а только парадигмальная рациональность. В этом случае переход к демократии перестаёт быть проявлением политического творчества, начинает выступать как ретрансляция форм, созданных для иного содержания.

Предметом исследовательского интереса в данном разделе диссертации являются концепции демократического транзита и «волн» демократизации,

особенности осуществления этих процессов на современном этапе и в российском обществе. Отмечается, что вопрос о рациональности демократического транзита фактически выступает на первый план в транзитологии и современной теории модернизации, взаимно обогащающих друг друга.

Триумфальное шествие демократии по всему миру заставило многих учёных задуматься о том, является ли демократический транзит внешним заимствованием и внедрением в уклад и образ жизни населения различных регионов и стран западных институтов, ценностей и идеалов, или выступает как ответ на внутренние потребности их развития. Являются ли основой этого процесса некие объективные и общезначимые факторы и причины, не имеющие корреляции с тем или иным типом цивилизационного развития, или каждый случай демократического транзита обусловлен конкретными, индивидуальными обстоятельствами, субъективными предпочтениями акторов политического действия, политикой стран-гегемонов или даже случайными событиями?

Федотова В.Г. аргументирует точку зрения, что существуют глубинные объективные причины движения стран по пути прогресса. Их игнорирование приводит к потере динамизма в развитии, к экономической и политической зависимости и деградации экономики, социальной сферы, культуры в целом.

Но есть предположение, что «волны» демократизации, особенно последняя, не являются результатом действия лишь внутренних для страны, осуществляющей транзит, причин и движущих сил. Их предпосылки сущностно глобальны (Маркофф Дж., Никитченко А.Н.). Развивается концепция имитирования как фактора транснациональной конвергенции политических преобразований.

Здесь надо подчеркнуть, что демократический транзит только в том случае выступает как рациональное явление, когда социальные движения и элиты осознанно перенимают друг у друга идеи, организационные формы и приемы публичной деятельности, призывы и символику, критически их переосмысливают. Однако многим теоретикам и участникам данного процесса демократические формы организации общества, сложившиеся в западных странах, представляются эталоном, стандартом, в соответствии с которым оцениваются успехи демократического транзита. Происходит абсолютизации функциональной рациональности, которая на практике реализуется, по сути, в вестернизации общества.

Блестящую критику «парадигмальности» российской транзитологии осуществил Капустин Б.Г.. Ограниченность последней он видит в стремлении приспособить к неподатливым российским реалиям концепт подгонки посткоммунистических стран под параметры западных политий и воспроизведение однолинейно-эволюционистской схемы истории. Исключается отношение к обществу как самовоспроизводящемуся феномену, не ставится

вопрос о том, какое состояние воспроизводится, имеет ли оно признаки системности¹.

Функциональная рациональность не идет дальше констатации очевидности, что с краха советского строя начинается переход к рынку, демократии и правовому государству. Её ярким проявлением в сфере демократизации оказывается утопизм, упрощённое понимание задач демократического процесса, воплотившиеся, в частности, в уверенности (господствовавшую как в теории, так и в среде действующих участников демократического процесса в течение первых лет перестройки), что социальная справедливость автоматически вытекает из соединения либеральных ценностей.

Абсолютизация парадигмальной рациональности приводит к тому, что положение государства в российском обществе оказывается крайне противоречивым. Будучи обречено на осуществление пассивной рецепции принципов общественно-политического устройства, принятых в «модельных» странах, оно вынуждено, тем не менее, взвалить на себя бремя инициатора реформ.

Функции реформирования общества и самой государственной власти оказываются «делегируемыми» бюрократическим структурам и харизматическим лидерам. Это приводит к возвеличиванию роли бюрократии, засилью её в центре и на местах. Но для бюрократических органов характерен, в принципе, недемократический стиль деятельности, ведущий к волоките, взяточничеству, некомпетентности. Самым негативным следствием этого является узурпация власти.

В конечном счете, абсолютизация парадигмальной рациональности в российском политическом мышлении привела к ослаблению демократического импульса, к разочарованию населения в принципах и ценностях демократии. Последняя стала ассоциироваться с произволом и беспорядком.

В диссертации делается вывод о том, что парадигмальная рациональность либерально-рыночного толка, господствующая в среде акторов демократического процесса, столкнулась с функциональной рациональностью традиционного исторического типа, присущей значительной части населения России. Между двумя видами рациональности, задаваемыми разными логиками мышления, возникли отношения отторжения.

Разрешить антитетичность рациональностей одного вида, но принадлежащих к разным историческим типам, возможно только на основе развития критической рациональности, обладающей импульсом творчества, но способной при этом к пониманию условности и ограниченности любой, даже самой проработанной в данный момент времени, концепции.

Нужна критическая рациональность для того, чтобы синтезировать два антиномичных исторических типа рационального отношения к миру, найти

¹ Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия.// Политические исследования. 2001. № 4.

такую форму практического воплощения демократической идеи, которая обеспечила бы стабильность демократии и укоренённость её в российской культуре.

Во втором параграфе - «Критическая рациональность как условие демократизации» - показано, что главная проблема демократического транзита заключается в способности его участников опереться на критическую рефлексию и умение вырабатывать собственный взгляд на вещи. Субстанциональная рациональность выражает себя в пафосе адекватности политических трансформаций национальному менталитету, обычаям и традициям, в умении максимально точно определять специфику той реальной ситуации, которая складывается в обществе, фиксировать изменения в настроениях масс, выстраивать систему приоритетов и формулировать цели, органичные в отношении данных культурных систем.

Восхождение рациональности от парадигмы к критике должно сопровождаться анализом различных элементов культурно-исторического опыта, прежде всего тоталитарного прошлого России. В нём можно найти причины отсутствия общественных сил, необходимых для поддержки и развития перемен, неартикулированности их интересов, «передоверия» этой задачи бюрократии или харизматическим лидерам, умозрительности и утопичности идеологии, разрыва между властью и обществом¹.

Однако чтобы понять, в чём состоит истинная сложность и проблемность демократических трансформаций посткоммунистического российского общества, надо обратиться к дототалитарному прошлому - политической культуре традиционной России.

Опираясь на работы Бирюкова Н. и Сергеева В., автор диссертации делает вывод о том, что мироотношение, сложившееся в традиционном российском обществе, не приемлет идею демократии в её современном западном понимании, отторгает её. Но тем не менее потребность страны в модернизации и опасения думающей части общества по поводу возможности восстановления недемократических режимов обуславливают необходимость осуществления демократизации.

Налицо противоречие между потребностью в демократических преобразованиях и отсутствием условий её удовлетворения. Для разрешения этого противоречия необходимо обратиться к опыту незападных стран, в частности, восточных, которые, также как и Россия, вынуждены искать возможности развертывания демократического процесса на основе «неевропоценстристских» принципов рациональности.

В диссертации отмечается, что творческое отношение и критико-рефлексивное усвоение ценностей и ориентиров иного исторического типа

¹ См.: Пантин И.К. Посткоммунистическая демократия в России: основания и особенности.// Вопросы философии. 1996. № 6.; его же. Демократия в России: противоречия и проблемы.// Политические исследования. 2003. № 1.

рациональности и осмысление собственных моделей мироотношения позволило некоторым азиатским странам (Японии, Индии, государствам Юго-Восточной Азии, которых принято именовать «Азиатскими тиграми») осуществить демократические трансформации. И при всем этом, национальное самосознание населения данных стран сохранило свою идентичность¹.

Таким образом, из опыта демократизации незападных стран видно, что, хотя демократия и возникла в ответ на вызовы рациональности современного исторического типа, но опоры только на последнюю совершенно не достаточно для дальнейшего развития и распространения демократического процесса. Тем более, что из развития имманентных структур данного типа рациональности проистекают проблемы, - связанные с атомизацией общества, - решение которых, предлагаемое теоретиками либерализма, приемлемо только на базе принятия ценностей самого либерализма.

Незападная культура способна к взращиванию в себе собственных возможностей преодоления разрыва между индивидуальным и коллективным измерениями рациональности. Главное, - что для неё также характерно возрастание социальной дифференциации и структурной сложности общества, следствием чего, собственно, и является возникновение потребности в демократическом устройстве социума.

На Западе традицию вытеснила индивидуальная активность, предполагающая опору на собственные силы и перманентное участие в конкуренции. Но незападные культуры также создают импульсы к индивидуальной активности, реализующейся в ходе демократизации, хотя она и базируется на признании традиции и групповой солидарности, даже предполагает их.

В диссертации обосновывается утверждение, что западная модель демократии является исторически первой, но не единственной. В этом случае «волны» демократизации можно рассматривать не как распространение известного западного образца, а как развитие самой идеи демократии через постоянное творчество и создание её новых моделей. Представляется, что такой вывод не должен казаться спонтанным и неожиданным: ведь известно, что и в рамках западной демократии выделяются подвиды, - например, американская и французская версии.

Видимо, - в порядке постановки вопроса - можно предположить возникновение в будущем и российской модели демократического процесса, которая сможет синтезировать лучшие черты рациональности как традиционного, так и современного исторических типов. Безусловно, зрелая форма данного явления ещё отсутствует. Но есть ли его предпосылки?

Опираясь на интересные мысли Тульчинского Г.Л. и другие исследования российской культуры (Ахиезера А.С., Ильина В.В., и др.), можно сформулировать гипотезу о том, что коллективизм и общинный дух (характеризующие традиционную рациональность вообще и российскую

¹ См.: Гаджиев К.С. Эпоха демократии? // Вопросы философии. 1996. № 9. С10.

политическую культуру, в частности), не противоречат рыночной, а, соответственно, и политической, модернизации, более того — способствуют ей. Однако необходим катализатор процесса, в качестве которого в данном случае выступает маргинальность общностей.

Маргинализация общества связана с формированием особого чувства конфликтности окружающей среды, ощущения противостояния. Но эти чувства носят социальный характер и могут стать одним из важнейших факторов возрастания активности, стремления к преобразованию мира и себя в нём. Не исключено, что возникновение в России на рубеже XX-XXI веков данного явления со всеми сопутствующими ему характеристиками, сможет способствовать формированию массовой потребности в модернизации и демократическому транзиту. Изменится характер этих процессов - они утратят функцию осуществления «догоняющего» развития.

Реализация этой функции, по определению, связана с активизацией парадигмальной рациональности. Этот процесс не включает в себя самостоятельного полагания целей, ибо они задаются извне, формируются в недрах культуры более развитых стран, отражая при этом специфические характеристики их культуры. Именно поэтому абсолютизация парадигмальной рациональности недопустима в ходе модернизационного процесса, и должна быть дополнена критической рациональностью с полаганием целей.

Только в этом случае импульсы к процессам, которые ныне исходят «сверху» - со стороны элиты - малой части общества, оторванной от всего остального населения и не поддерживаемой им, начнут формироваться в широкой народной среде.

В заключении подведены итоги диссертационной работы, намечены перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Основные публикации по теме диссертации:

1. Оганезов Н.Р. Парадоксы демократии. Изд-во РГСУ, Ростов-на-Дону, 2003, 1,2 п.л.
2. Оганезов Н.Р. Демократия в зеркале рациональности. Изд-во РГСУ, Ростов-на-Дону, 2003, 0,9 п.л.
3. Оганезов Н.Р. Исторические формы рациональной организации общественной жизни. // Материалы конференции « Социальный порядок, толерантность, право.» Краснодар, 2003, 0,3 п.л.